

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

DOI 10.31029/vestdnc97/7

УДК 902/904

АРХЕОЛОГИЯ ДЕРБЕНТА НОВОГО ВРЕМЕНИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.): К ВОПРОСУ О МЕСТНОМ ГОНЧАРНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА XLV)

М. С. Гаджиев¹, ORCID: 0000-0002-4592-0527

А. М. Абдулаев¹, ORCID: 0000-0002-3571-5343

А. Л. Будайчиев¹, ORCID: 0000-0003-1718-9105

К. Б. Шаушев², ORCID: 0000-0003-3966-2231

¹Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

²ООО «НПЦ «Туризм и краеведение», Махачкала, Россия

ARCHAEOLOGY OF MODERN DERBENT (LATE XIX – EARLY XX CENTURY): TO THE ISSUE OF LOCAL POTTERY PRODUCTION (BASED ON MATERIALS OF EXCAVATION AREA XLV)

M. S. Gadjiyev¹, ORCID: 0000-0002-4592-0527

A. M. Abdulaev¹, ORCID: 0000-0002-3571-5343

A. L. Budaychiev¹, ORCID: 0000-0003-1718-9105

K. B. Shaushev², ORCID: 0000-0003-3966-2231

¹Institute of History, Archaeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS Makhachkala, Russia

²Research and Practice Center “Tourism and Local History” LLC,
Makhachkala, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются результаты работ на раскопе XLV, расположенном в приморской части города Дербента, на котором были вскрыты остатки бытового помещения. Бытовая керамика, представленная в слое, связанном с функционированием помещения, особенно фабричные фаянсовые изделия российского производства, выступающие четким хронологическим маркером, датируют данный комплекс концом XIX – началом XX в. В свою очередь они надежно датируют этим периодом многочисленные образцы местной кустарной гончарной продукции – глазурованные и неглазурованные кувшины, горшки, чаши, которая представляет несомненный интерес для изучения гончарного ремесленного производства в Дагестане в XIX – начале XX в. Фабричная фаянсовая посуда (тарелки, чаши) в значительной степени количественно уступает кустарной поливной керамике, которая, судя по материалам раскопок, занимала существенное место в повседневной жизни горожан в условиях проникновения и распространения фабричной продукции. Проведенное ее изучение позволяет сделать заключение, что в основной своей массе эта керамическая посуда является продукцией кустарей-гончаров селения Сулевкент, расположенного в соседнем с Дербентом Кайтаго-Табасаранском округе и являвшегося важным центром гончарного ремесла на Северо-Восточном Кавказе.

Abstract. The article examines the results of the work on the excavation area XLV located in the coastal part of Derbent, where remains of a utility room have been uncovered. Household ceramics presented in a layer associated with functioning of the room, especially Russian factory faience products, acting as a clear chronological marker, date this complex to the end of the XIX – beginning of the XX centuries. In turn, they reliably date numerous samples of local handicraft pottery products - glazed and unglazed jugs, pots, bowls, which are of undoubted interest for the study of pottery handicraft production in Daghestan in the XIX – early XX centuries. Factory earthenware (plates, bowls) is largely quantitatively inferior to the handicraft glazed pottery, which, judging by the materials of the excavations, occupied a significant place in the daily life of the citizens in the context of penetration and distribution of factory products. The study allows us to conclude that this handicraft pottery was mostly made by potters from the village of Sulevkent, located in the Kaytag-Tabasaran district near Derbent, which was an important center of ceramics in the Northeast Caucasus.

Ключевые слова: Кавказ, Дербент, город, археология, Новое время, керамика, гончарное производство

Keywords: Caucasus, Derbent, city, archeology, Modern times, pottery, ceramics

Введение

В последние десятилетия внимание отечественных археологов все в большей степени привлекают памятники археологии Нового времени. Дагестан весьма богат объектами историко-культурного наследия этого периода – это и многочисленные покинутые горные селения, и терско-казачьи городки XVI–XVIII вв., и более монументальные памятники, такие как Терский город (Тюменский острог, Терский редут) XVI–XVIII вв., крепость Святого Креста, заложенная Петром I в 1722 г., российские укрепления XIX в. и многие другие, которые еще ждут своих исследователей и изучение которых, как видится, весьма обогатит наши исторические знания. В круг этих памятников, конечно, входит и древний Дербент с его многометровыми культурными напластованиями, охватывающими 2000-летний период.

Археология Дербента Нового времени – самостоятельная и весьма интересная в научно-познавательном аспекте исследовательская тема, которая позволяет раскрыть неизвестные или малоизученные вопросы истории и археологии этого древнего города на позднем этапе его исторического развития, некоторые вопросы его военно-политической и социально-экономической истории, ремесла и торговли, повседневной, культурной и религиозной жизни горожан и т.д. Период XVII – начала XX в. в истории Дербента характеризуется важнейшими, в т.ч. военно-политическими, событиями, активизацией городской жизни, особенно в XIX – начале XX в., что нашло отражение и в культурном слое города, вскрываемом в ходе археологических раскопок. В качестве примеров можно указать на выявление в дербентской цитадели Нарын-кала архитектурно-строительных комплексов Нового времени [1–4], захоронений солдат Грузинского линейного 10-го батальона Императорской армии, погибших при защите города в августе 1831 г. [5], обнаружение рядом с цитаделью города «верхнего Русского кладбища» XIX в. и надмогильного памятника Ольги Нестерцевой, трагически погибшей в 1831 г. [5, с. 73–74; 6], открытие в приморской зоне города землянки Петра Великого [7; 8] и некрополя Дербентского гарнизона Низового корпуса 1722–1735 гг. [9–11] и др.

Раскоп XLV

В мае – сентябре 2023 г. Дербентская новостроечная археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН и ООО «НПЦ “Туризм и краеведение”» в рамках мероприятий по обеспечению сохранности объекта культурного наследия (памятник археологии) «Культурный слой V – начала XX века достопримечательного места «Цитадель и исторический город в крепостных стенах Дербента» (Республика Дагестан, г. Дербент) провела археологические раскопки в приморской части города в связи с реконструкцией ул. Строительной. Здесь были осуществлены археологические наблюдения вдоль всей улицы и заложены два раскопа – XLV и XLVI (работы на раскопе XLVI получили освещение в статье [12]) (рис. 1, 2).

Один из раскопов, а именно раскоп XLV площадью 60 кв. м (12×5 м), был заложен в южной части улицы – на стыке ее с линией южной городской оборонительной стены Дербента (рис. 1, 2), которая на данном участке не сохранилась, будучи разобранной в конце XIX в. в связи с расширением города в южном направлении и строительством Владикавказской железной дороги на участке Порт-Петровск – Баку. Раскоп ставил целью выявить возможные остатки оборонительной стены и получить новые данные об исторической топографии Дербента.

Уже при снятии пласта 1 в северо-западной половине раскопа были выявлены верхние контуры трех стен (*стены 1–3*), образующих *помещение 1*. Еще одна стена – *стена 4* – шла параллельно и почти впритык к стене 3, соединяясь с ней в восточной части раскопа (рис. 3).

В юго-восточной половине раскопа к югу от помещения 1 уже с конца пласта 1 на всей территории последовал сплошной слой уплотненного желтого морского мелкозернистого песка, резко контрастировавший с рыхлым серым, серо-коричневым заполнением помещения 1 (рис. 3а). Стратиграфия указанного юго-восточного участка выглядела следующим образом: *слой 1* – толщиной 15–20 см, серо-коричневый рыхлый песчаный суглинок перемешанного характера с включением небольшого количества современного мусора (в основном – битого оконного стекла), керамики XIX – начала XX в.; *слой 2* – массив уплотненного желтого морского мелкозернистого песка (рис. 3) толщиной 70–90 см, не содержащий никаких археологических находок, покоящийся на скальном основании и свидетельствующий о естественном накоплении песка в результате трансгрессии Каспия до середины – второй половины XIX в.

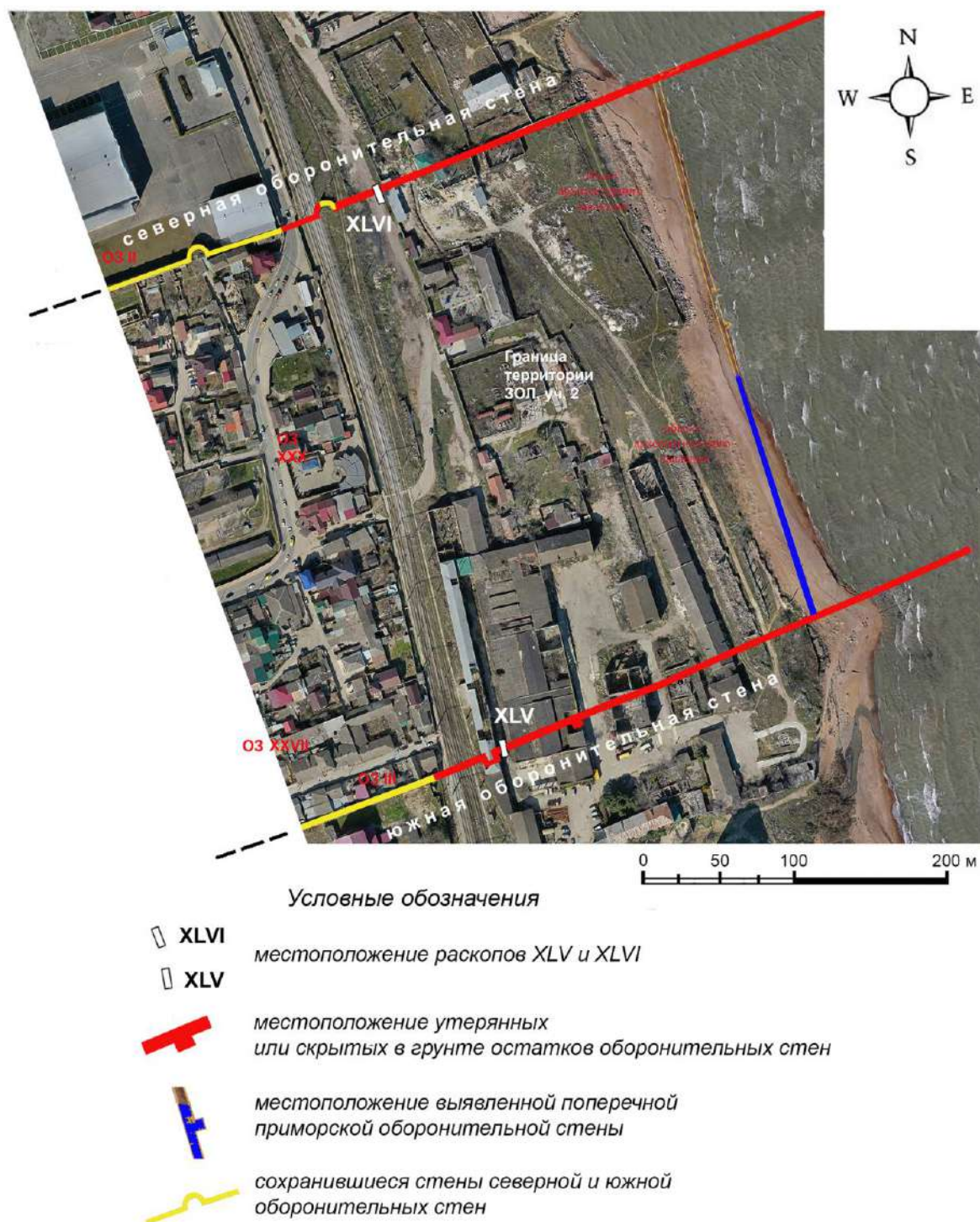

Рис. 1. Дербент. Приморская часть. Местоположение раскопов XLV, XLVI (по: Google Earth, 2022).

В слое 1 были встречены невыразительные фрагменты стенок столовой, кухонной и тарной керамики, за исключением нескольких профилированных обломков керамической посуды, в т.ч. относящийся к XI – началу XIII в. фрагмент крупного красноглиняного крупного блюда, внутренняя поверхность которого покрыта гравировкой по белому ангобу и марганцевой растечной росписью под прозрачной поливой, а по краю венчика нанесены короткие поперечные марганцевые полосы (рис. 4, 1).

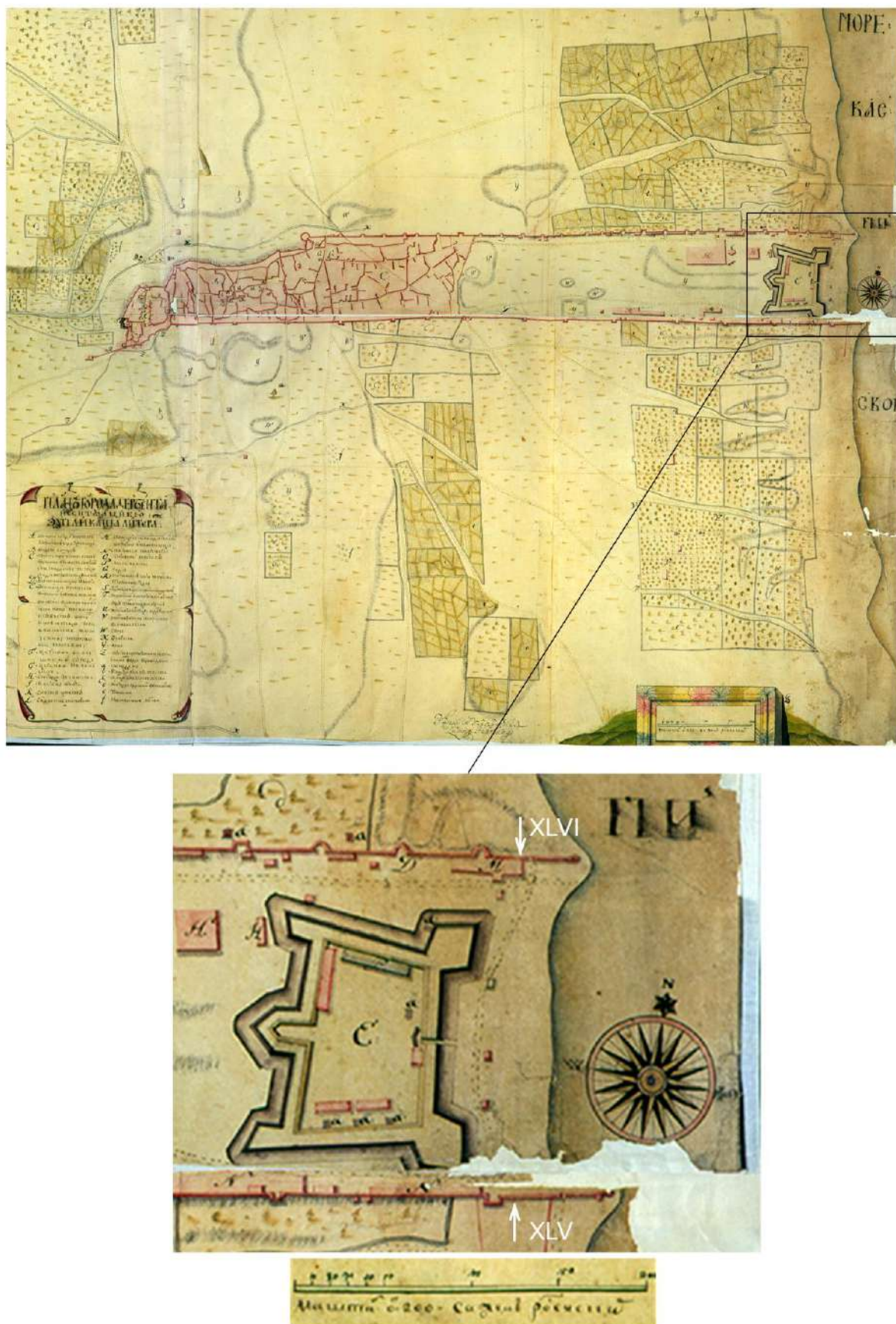

Рис. 2. «План Дербента с ситуацией 1796 года» (РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 1957) с указанием местоположения раскопов XLV, XLVI (обозначены белыми стрелками и номерами)

а

б

Рис. 3. Дербент. Раскоп XLV. Общие виды раскопа (а) и вскрытого помещения (б) с ЮЗЗ

Заполнение помещения, как отмечалось, представляло серо-коричневый рыхловатый суглинок с незначительным включением бутового камня. В верхней части заполнения, у западного угла помещения был найдена *in situ* крупная красноглиняная глубокая чаша на кольцевом поддоне, с внутренней и внешней стороны покрытая бордового цвета ангобной росписью (рис. 4, 2). Общая h чаши = 13 см, d венчика = 25,5 см, d поддона = 13,5 см.

Из заполнения помещения помимо фрагментов стенок кухонной, столовой и тарной керамики происходит большая серия выразительной (в том числе и археологически целой) местной кустарной керамической, а также и привозной фабричной фаянсовой посуды, которая ярко характеризует облик использовавшейся горожанами посуды в указанное время. Фабричные изделия представлены русским фаянсом конца XIX – начала XX в., который выступает четким хронологическим маркером и позволяет, таким

образом, ясно датировать местную ремесленную керамическую посуду, представляющую особый интерес. Следует отметить, что фаянсовая посуда, включающая, главным образом, тарелки и в меньшей степени чаши, в значительной степени количественно уступает ремесленной столовой поливной керамике. Наиболее яркие образцы фабричной фаянсовой посуды представлены следующими экземплярами:

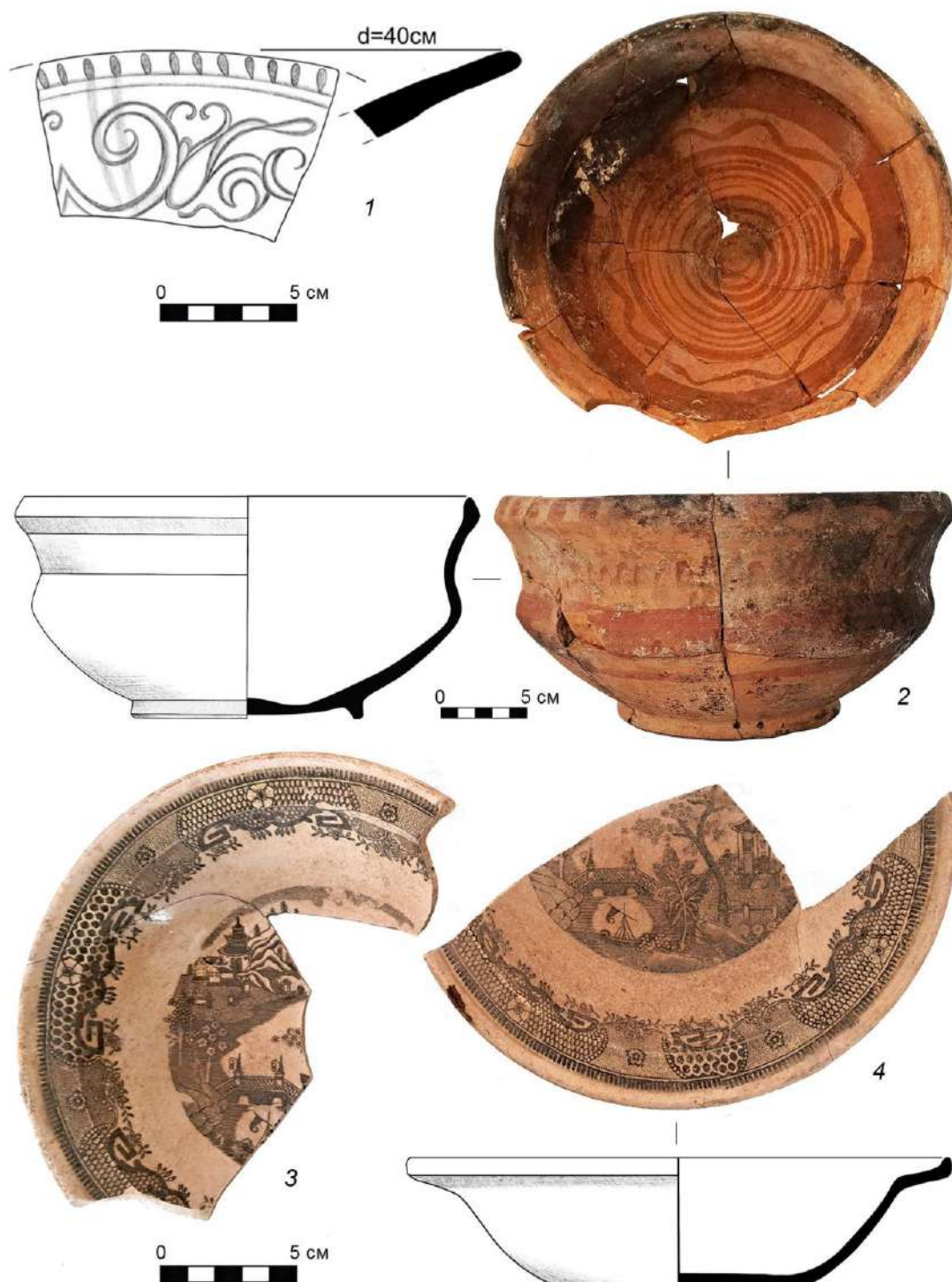

Рис. 4. Дербент. Раскоп XLV. Керамика из слоя 1 (1) и заполнения помещения (2–4)

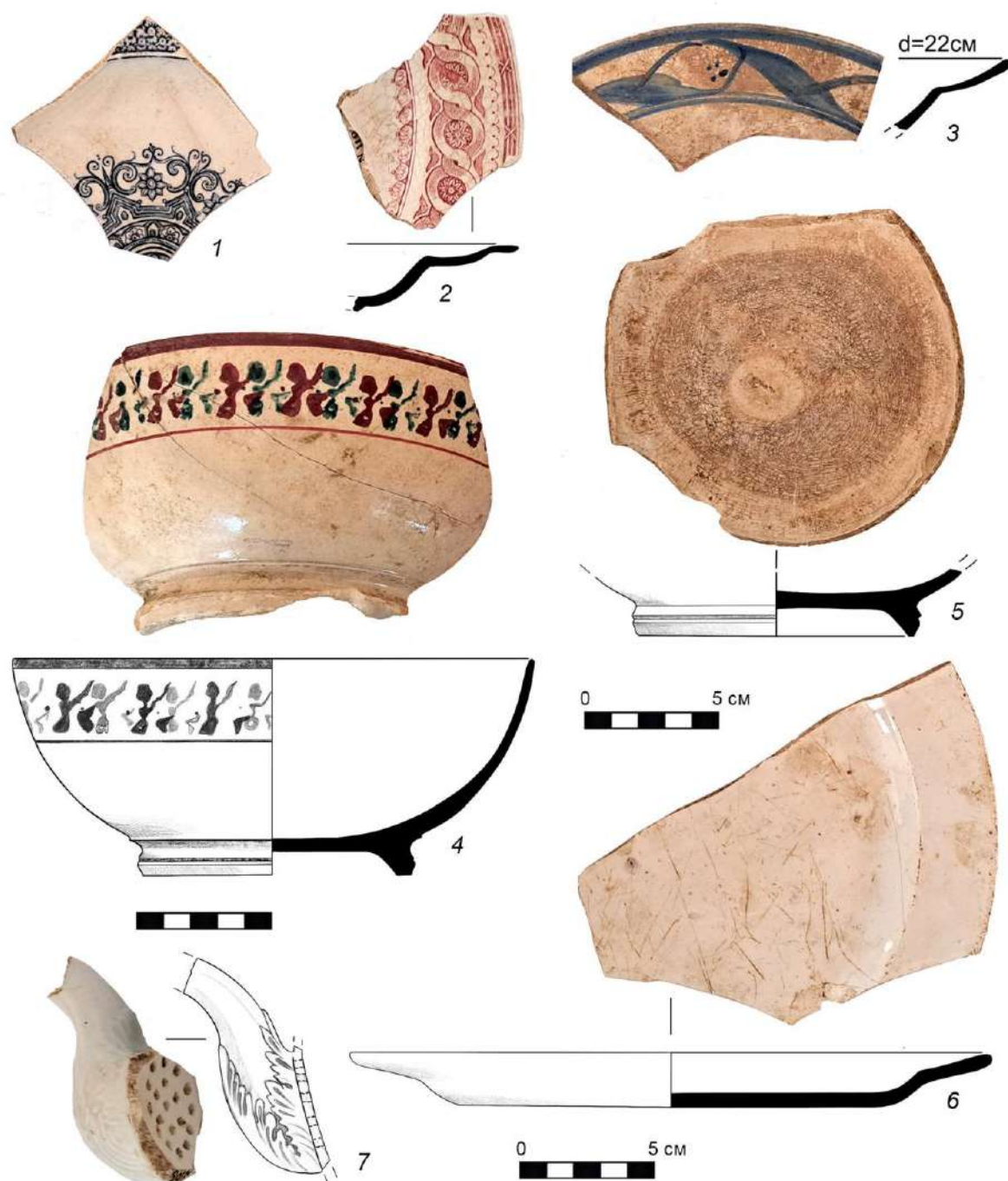

Рис. 5. Дербент. Раскоп XLV. Российская фаянсовая (1–6) и фарфоровая (7) посуда из заполнения помещения

– фрагменты двух идентичных плоскодонных тарелок с почти горизонтальным бортиком и приподнятым венчиком, внутренняя поверхность тарелки покрыта насыщенной темно-серой монокромной деколью в подражание английскому фаянсу (растительно-геометрический орнамент по бордюру и «китайский пейзаж» по центру); с наружной стороны по центру дна поставлено черное декольное клеймо «Товарищество М.С. Кузнецова в Дулево», т.е. тарелка произведена на фабрике «Товарищество производства фарфоровых и фаянсовых изделий М. С. Кузнецова» в пустоши Дулево Московской губернии в конце XIX – начале XX в.; высота тарелок 4,8 см, d венчика 20,5 см, d донца 11,5 см (рис. 4, 3, 4);

– фрагмент приземистой плоскодонной тарелки с широким почти горизонтальным бортиком, бордюр и дно тарелки покрыты темно-синим густым растительно-геометрическим декольным орнаментом

по белому фону; с наружной стороны дна в центре – темно-синее декольное клеймо «Фабрики Колпакова в Перми» второй половины XIX в. (1860–1880-е гг.) (рис. 5, 1);

– фрагмент фабричной фаянсовой тарелки с широко отогнутым чуть закругленным вверх бортиком и со слегка отогнутым венчиком со скругленным краем. Внутренняя поверхность покрыта малинового цвета монохромной трафаретной фабричной росписью по белому фону (рис. 5, 2);

– фрагмент фаянсовой тарелки с широким отогнутым бортиком с невыделенным скругленным венчиком, с голубой надглазурной росписью по белому фону вдоль внутреннего края (рис. 5, 3);

– фрагменты округлобокой глубокой чаши на кольцевом поддоне с невыделенным скругленным венчиком; по внешней стороне вдоль устья чаши расположен окаймляющий декоративный пояс с надглазурной бордовой и зеленой росписью (рис. 5, 4);

– кольцевой поддон тарелки (рис. 5, 5);

– фрагмент приземистой тарелки на широком плоском дне с широким наклонным бортиком (рис. 5, 6);

– сливной носик с рельефным растительным декором основания фарфорового заварного чайника (рис. 5, 7), видимо, производства «Товарищества М.С. Кузнецова».

Рис. 6. Дербент. Раскоп XLV. Кустарная неполивная керамика из заполнения помещения

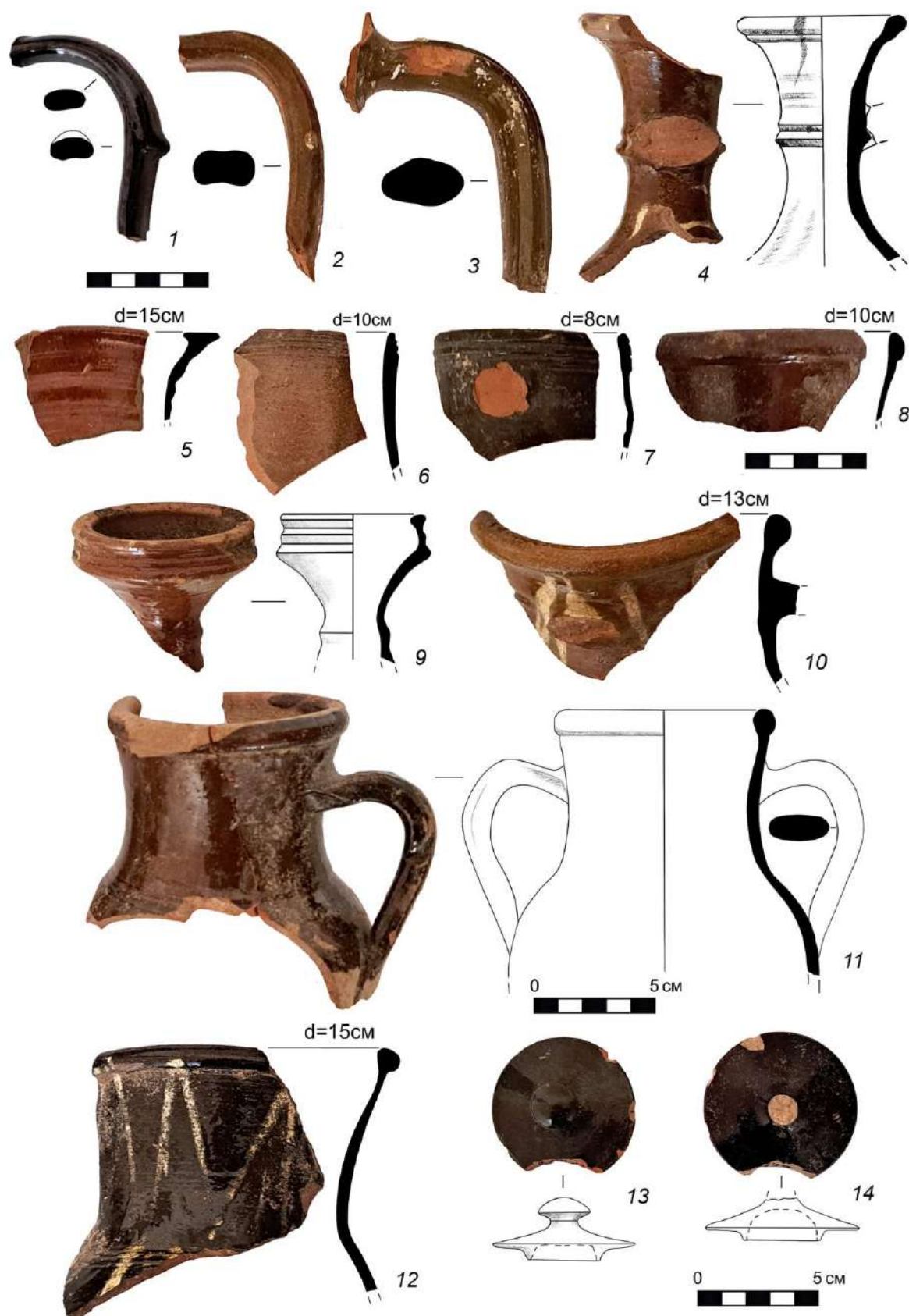

Рис. 7. Дербент. Раскоп XLV. Кустарная поливная керамика из заполнения помещения

Керамическая посуда местного кустарного производства представлена красноглиняными поливными и неполивными изделиями, изготовленными на гончарном круге. Керамика имеет качественный красный или коричневый обжиг, плотный черепок, хорошо отмученное, чистое, без заметных примесей тесто.

Неполивная керамика немногочисленна и включает фрагменты кувшинов и горшковидных сосудов (рис. 6, 1–6) и редких мисок (рис. 6, 7). Иногда сосуды покрывались красной, бордовой ангобной росписью (волнистые и прямые линии, завитки), врезным пояском из волнистых и прямых линий. Выделим небольшой плоскодонный одноручный кувшин с приземистым сферическим туловом с вертикальным полосчатым лощением, с плавным переходом к высокому широкому горлу, покрытому красной ангобной линейно-волнистой росписью; h кувшина – 18,0 см, h тулова – 10,3 см, h горловины – 7,7 см, d венчика – 8,6 см, d наибольшего расширения тулова – 14,5 см, d дна – 10 см (рис. 6, 1).

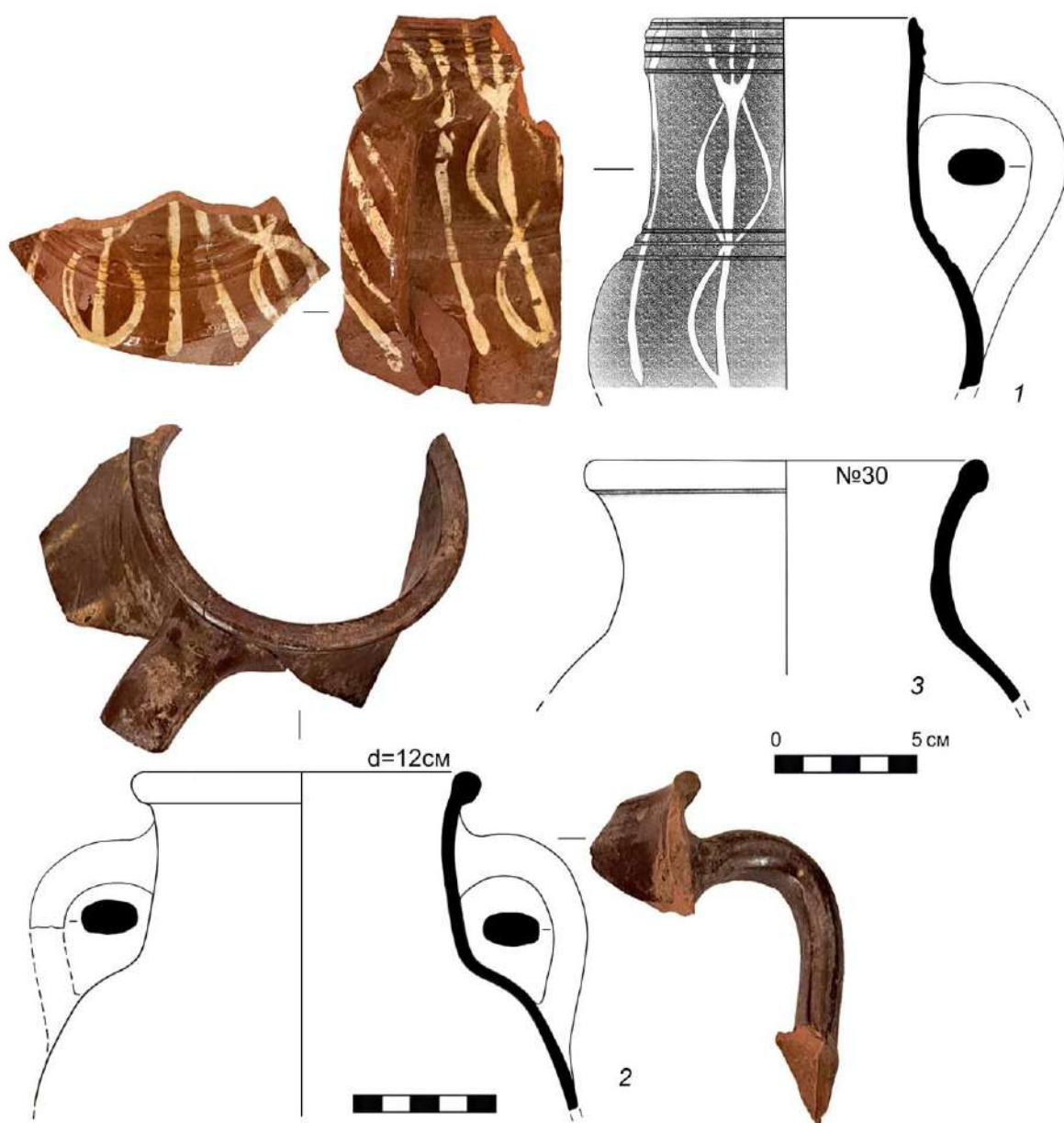

Рис. 8. Дербент. Раскоп XLV. Кустарные поливные кувшины из заполнения помещения

Рис. 9. Дербент. Раскоп XLV. Кустарный поливной двуручный кувшин из заполнения помещения

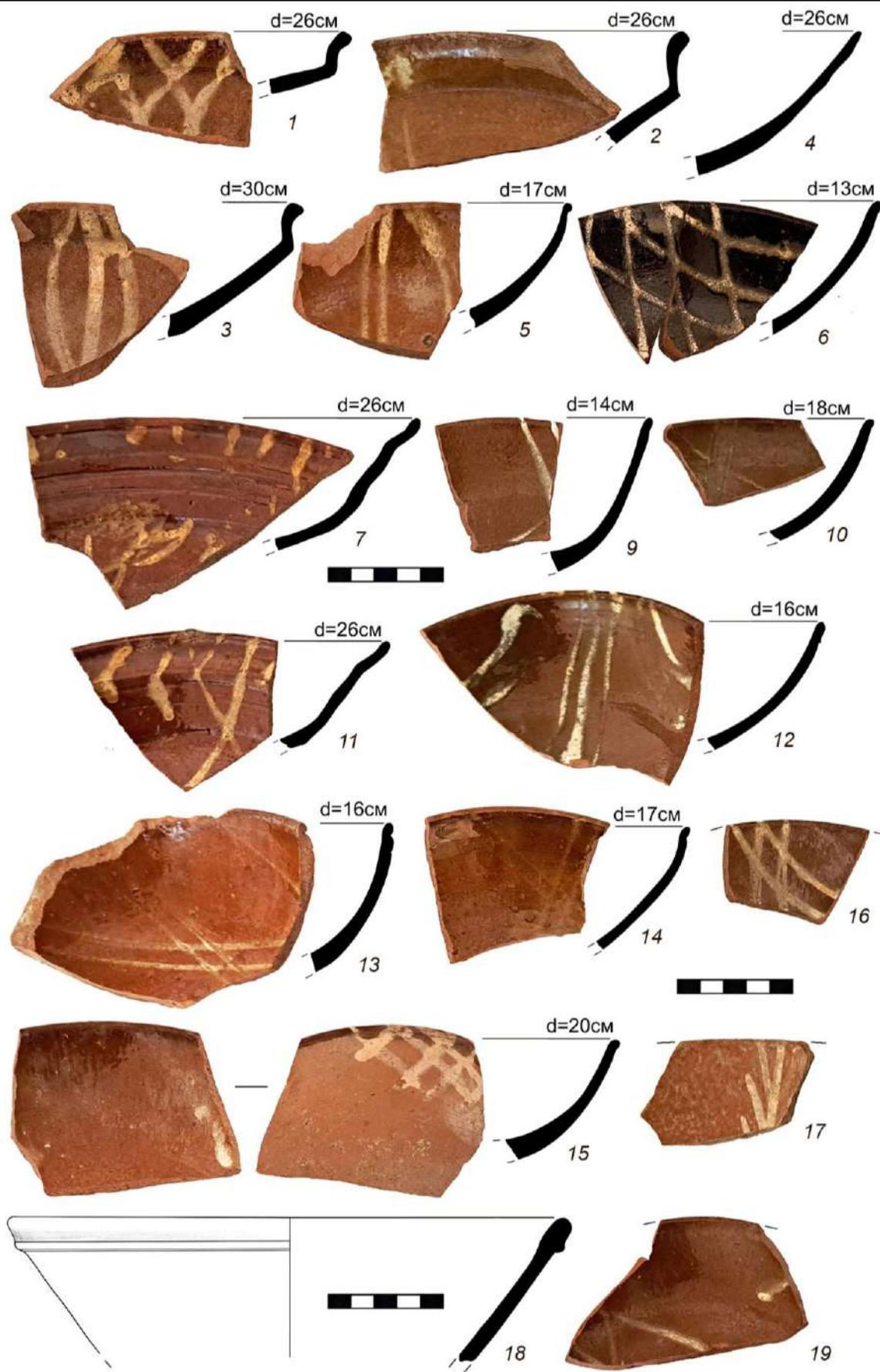

Рис. 10. Дербент. Раскоп XLV. Кустарные поливные чаши из заполнения помещения

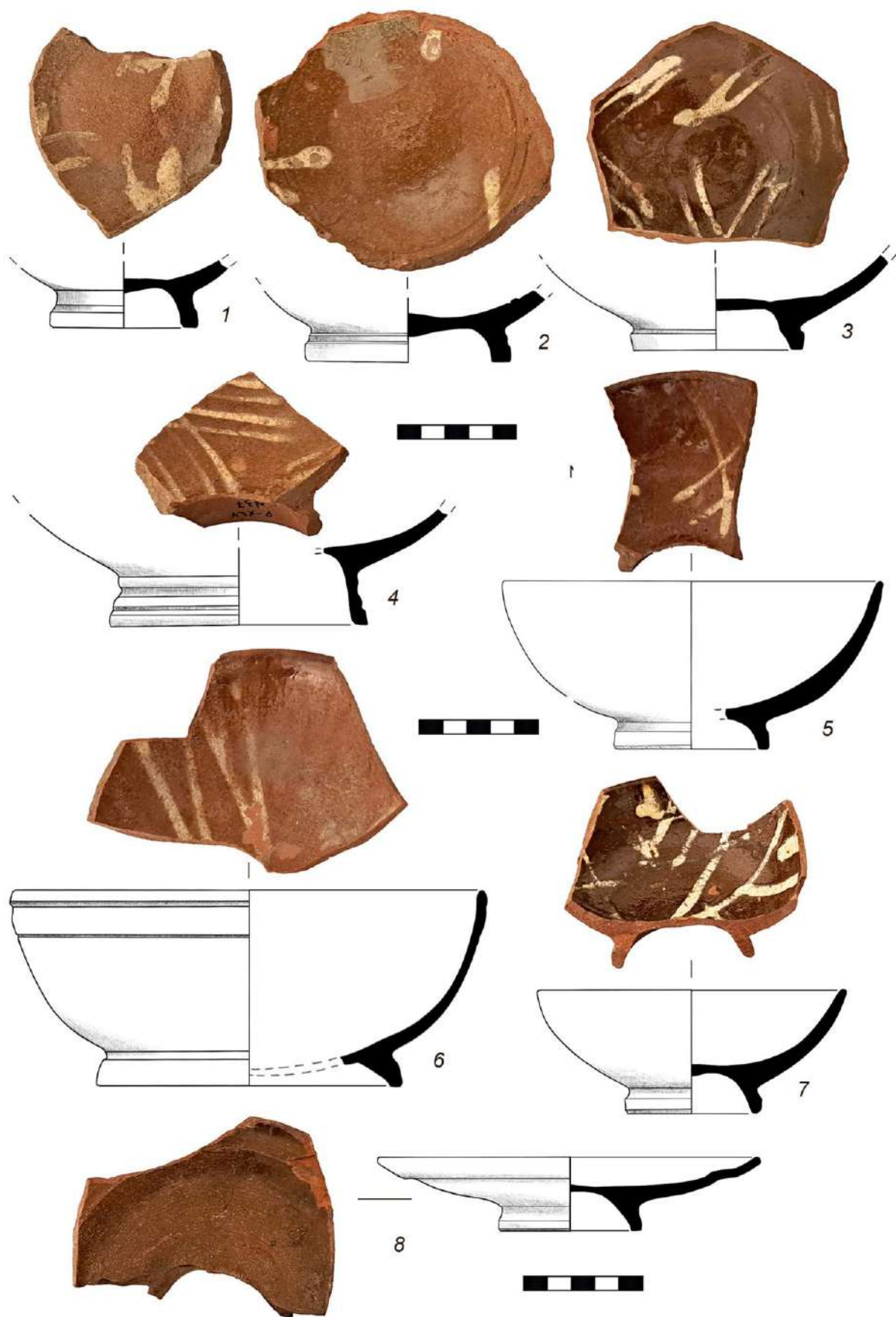

Рис. 11. Дербент. Раскоп XLV. Кустарные поливные чаши из заполнения помещения

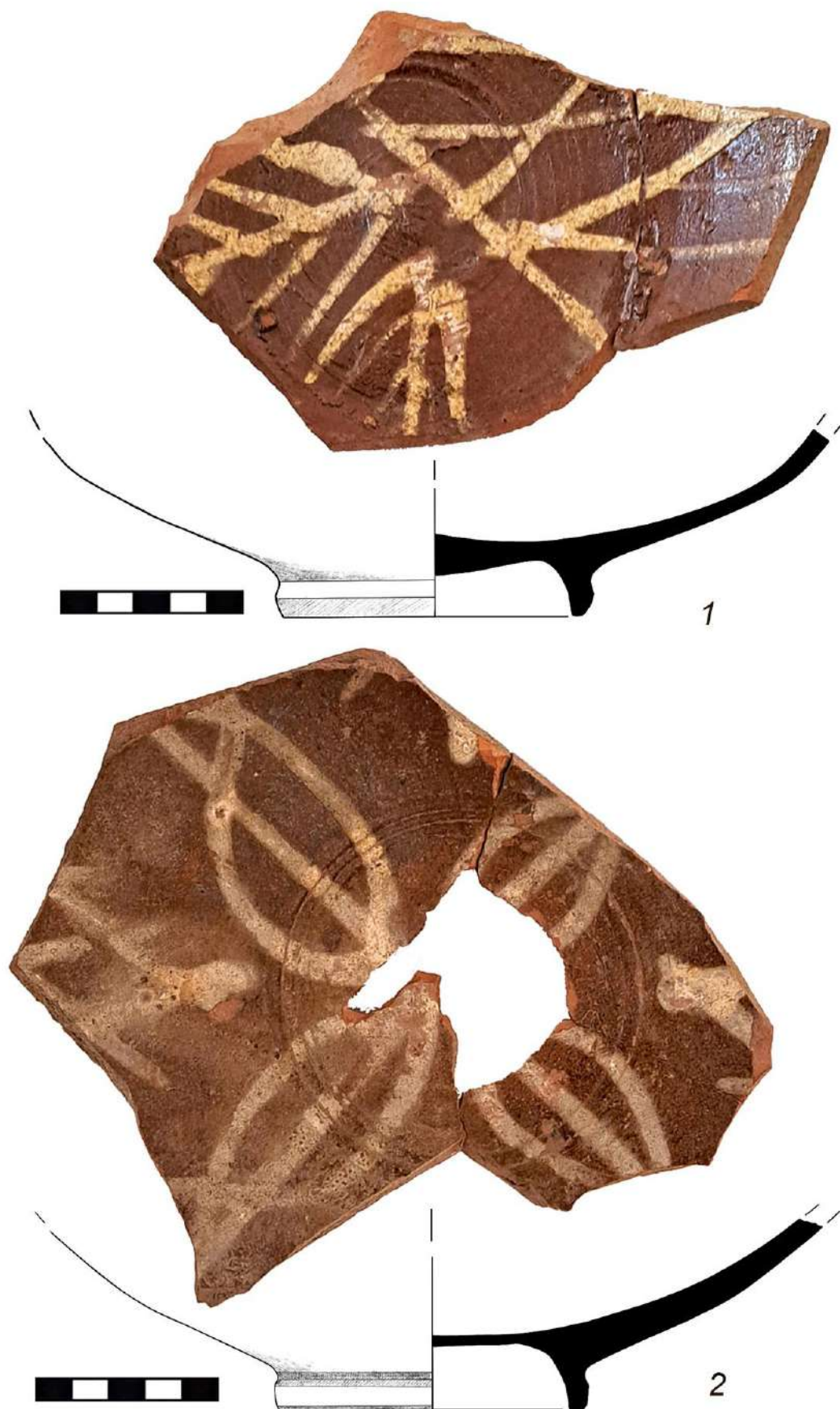

Рис. 12. Дербент. Раскоп XLV. Кустарные поливные чаши из заполнения помещения

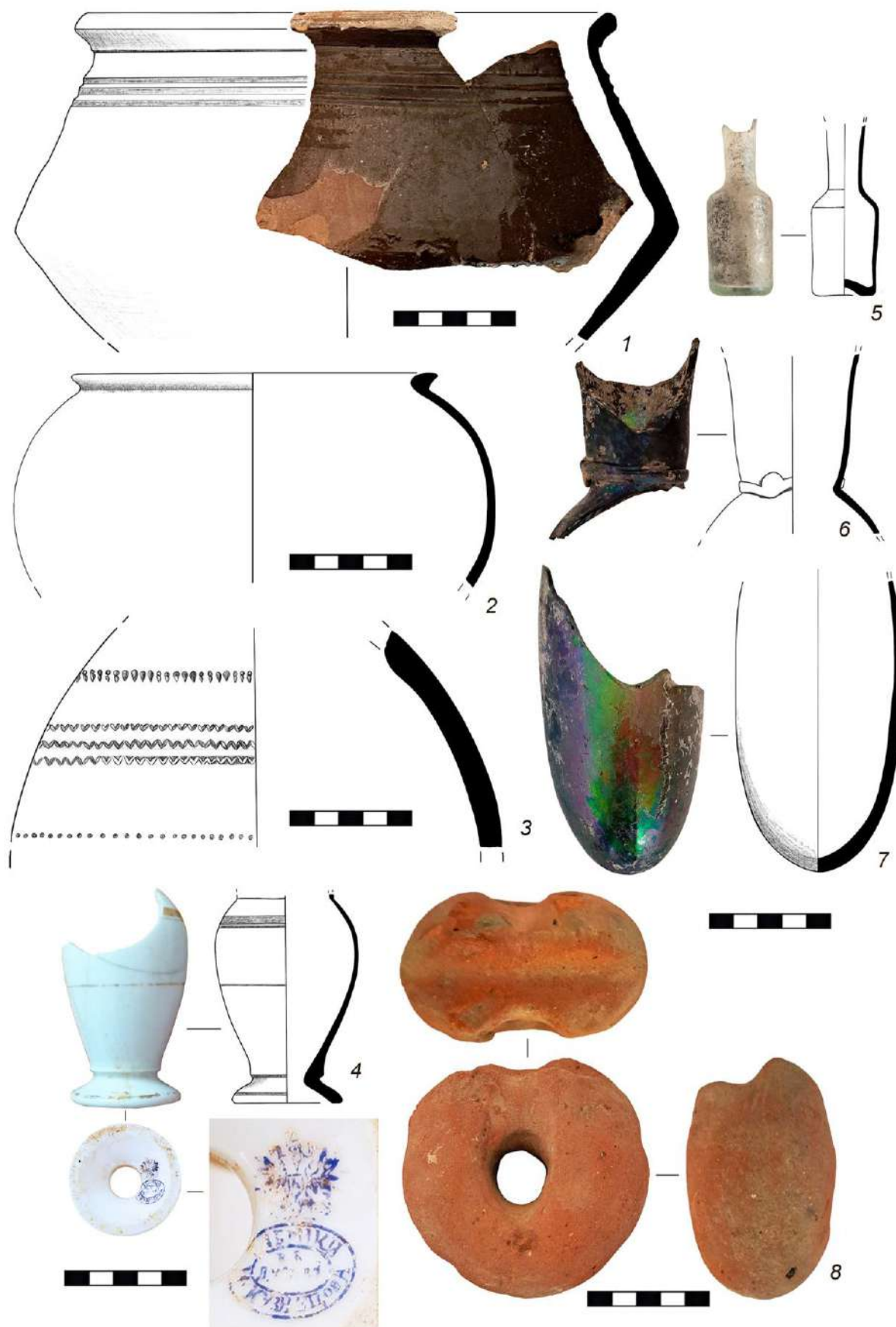

Рис. 13. Дербент. Раскоп XLV. Кустарные поливные сосуды (1–3) и индивидуальные находки (4–8) из заполнения помещения

Заметим, что представленная в раскопе керамика не отражает многообразия местной неполивной керамики Нового времени, которая включает, судя по материалам других раскопов, и крупные тарные сосуды, кухонную посуду (сковороды, котлы, горшки), разнообразные по назначению кувшины, светильники-чираги и др.

а

б

в

Рис. 15. Дербент. Раскоп XLV. Профили стен 1–3 помещения

Поливная керамика включает, главным образом, разнообразные кувшины (рис. 7–9), чаши (рис. 10–12), а также редкие горшкообразные сосуды (рис. 13). Сосуды часто покрывались простой орнаментацией – подглазурной линейной белой ангобной росписью в виде радиальных линий, прямых и волнистых полос, розеток, веточек, перекрестий, спиралей, сеток. Но представлено немало фрагментов кувшинов и чаш без декора, с поливой по непокрытому черепку. Полива свинцовая прозрачная, бесцветная, бежево-желтоватая, коричневая, темно-коричневая.

Рис. 16. Дербент. Раскоп XLV. Российская фаянсовая посуда с уровня пола помещения

Выделим необычные для поливной керамики формы:

- фрагменты коричневоглиняного горшка с биконическим туловом и резко отогнутым утолщенным венчиком; под основанием устья проходит поясok из трех окаймляющих канавок; наружная поверхность покрыта темно-коричневой глухой поливой; внутренняя поверхность – белым ангобом (рис. 13, 1);
- фрагменты стенки приземистого сферической формы красноглиняного сосуда, напоминающего по форме котел, с коротким резко отогнутым заостренным венчика; верх венчика и большая часть внутренней поверхности покрыта прозрачной поливой по непокрытому черепку (рис. 13, 2);
- фрагменты стенки плечика и тулова толстостенного коричневоглиняного сосуда (кувшин?), покрытого поясками и косыми линиями из мелких зигзагообразных врезных линий; наружная поверхность покрыта оливкового цвета глухой поливой по непокрытому черепку (рис. 13, 3).

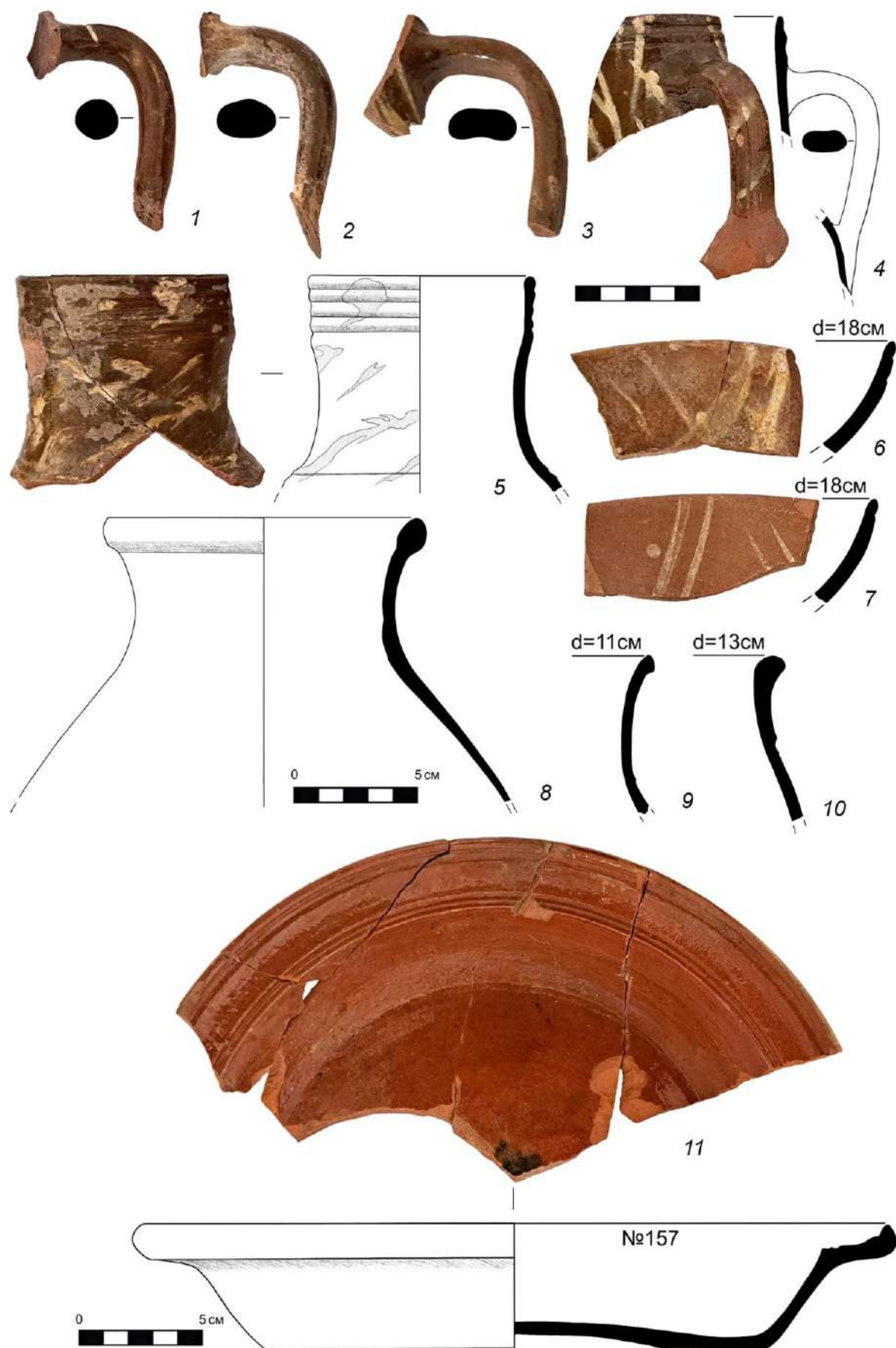

Рис. 17. Дербент. Раскоп XLV. Кустарная поливная (1–7, 11) и неполиванная (8–10) посуда с уровня пола помещения

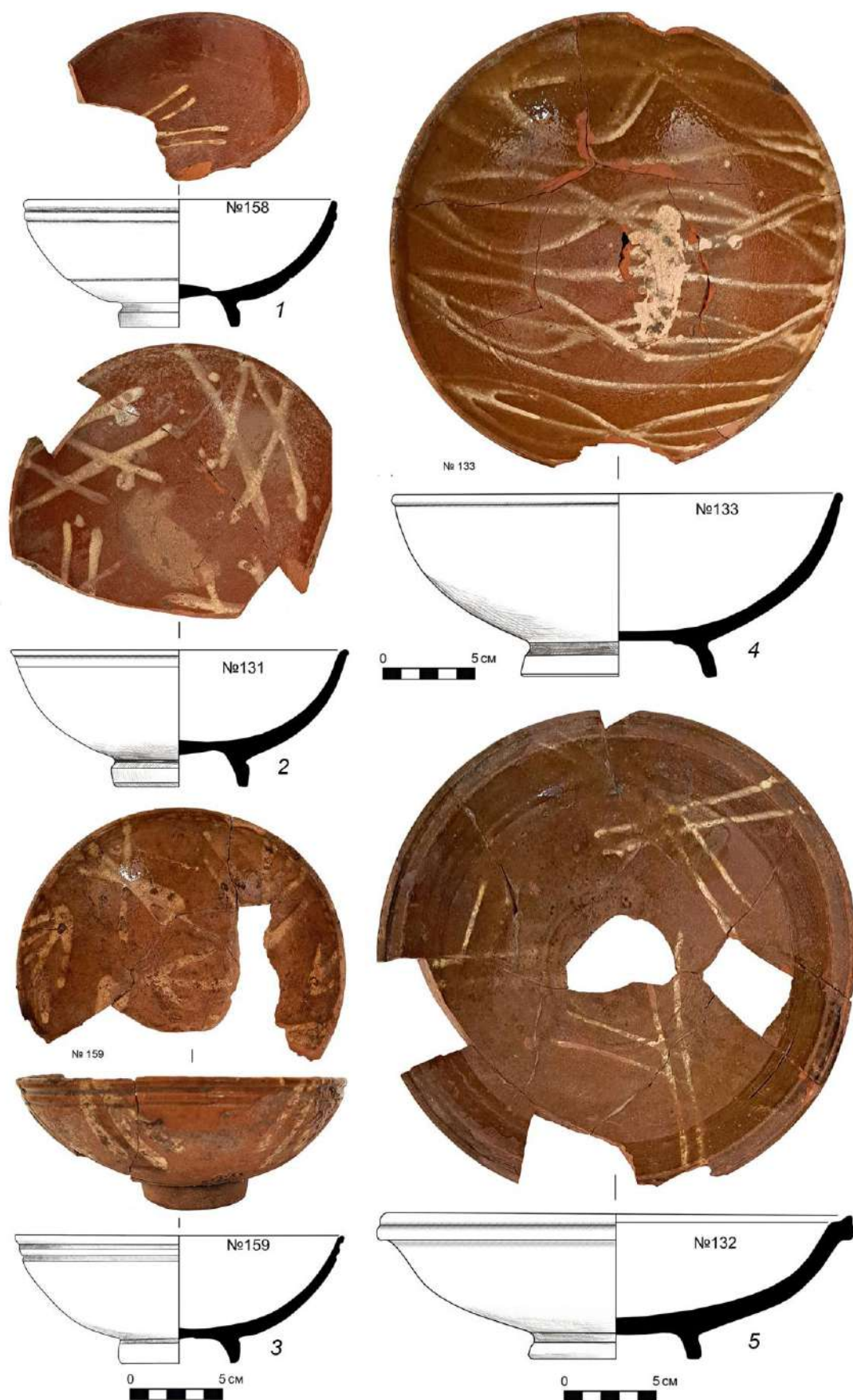

Рис. 18. Дербент. Раскоп XLV. Кустарные поливные чаши с уровня пола помещения

Рис. 19. Дербент. Раскоп XLV. Кустарные поливной (1) и неполивной (2) двуручные сосуды с уровня пола помещения

Отметим также находки двух круглых вогнутых крышечек с центральной держалкой, покрытых темно-коричневой свинцовой поливой (рис. 7, 13, 14).

Кроме описанных многочисленных фрагментов керамической посуды в заполнении помещения было найдено несколько индивидуальных находок, также укладывающихся в рамки конца XIX – начала XX в.:

- фрагмент фарфоровой солонки (рис. 13, 4) вытянутой яйцевидной формы с низкой кольцевидной формы ножкой с отверстием, с окаймляющими золотистыми полосками на корпусе и ножке; на дне солонки – декольное синее клеймо «Фабрики М.С. Кузнецова в Дулево» с изображением царского орла, датируемое 1872–1889 гг. (<https://lermontovgallery.ru/spravochnik-antikvariata/dulyevskiy-farforovyy-zavod/>; см. также: <https://www.monetnik.ru/antikvariat/kuhnya/posuda/servirovka/specii/solonki/solonka-vytyanutoj-formy-475525/>, <https://meshok.net/item/262089095>); сохранившаяся h – 8,5 см, d ножки – 4,5 см, d основания ножки – 2,7 см, d наиболее тулова – 5,3 см;

- стеклянный аптекарский флакончик конца XIX – начала XX в. с цилиндрическим туловом, вогнутым донцем и высоким узким слегка расширяющимся горлышком; стекло прозрачное, бесцветное; сохранившаяся h – 6,8 см, d донца и тулова – 2,7 см, h тулова – 4,5 см, d сохранившейся части горлышка – 1,3–1,4 см (рис. 13, 5);

- нижняя часть стеклянного круглодонного флакона вытянутой овальной формы туловом; цвет стекла зеленый; d тулова – 6,8 см (рис. 13, 7);

- фрагмент слегка и плавно расширяющейся горловины с отбитым венчиком стеклянного сосуда; в основании горловины сосуда проходит наклепной ленточный валик. Цвет стекла – коричневатопрозрачный (марганцевый); d основания горловины – 4,0 см (рис. 13, 6);

- уплощенно-сферической формы красноглиняное сетевое грузило XIX – начала XX в. с круглым сквозным отверстием (d – 2,3–2,4 см) по центру и желобами для крепления к тросу сети; d – 10,2 см, толщина – 6 см (рис. 13, 8).

В результате расчистки помещения были полностью открыты указанные выше стены 1–4. При этом стены 1–3 образуют прямоугольное в плане помещение 1, частично попавшее в площадь раскопа,

а стена 4 примыкала к продольной стене 3 (рис. 3, 14). Ширина помещения – 3,35–3,5 м, прослеженная длина – 5 м, сохранность стен в высоту – до 1 м. Основания стен покоятся на скальном выходе, который имеет относительно ровную поверхность с легким понижением с ЮЗ на СВ – в сторону моря. Очевидно, что это скальное основание выполняло функцию пола вскрытого помещения.

Стены помещения (рис. 3, 14, 15) сложены из тесаных крупных каменных прямоугольных блоков и плит (120×18 см, 115×56×24 см, 98×76×26 см, 95×78×26 см, 80×76×22 см, 76×78×20 см, 71×52×25 см, 60×40×20 см, 63×49×26 см, 66×55×24 см и т.п.), установленных на ребро или плашмя, иногда из более мелких, подработанных камней в несколько рядов, на глиняном растворе, впритык, с заполнением швов мелким бутом для большей устойчивости. Судя по форматам крупных плит, в кладке использованы плиты из разобранной южной городской оборонительной стены середины VI в. Стены – однорядные по ширине, с ровным вертикальным фасом в интерьере и ломаной гранью снаружи, что указывает на то, что помещение возводилось в вырытом котловане с обкладкой бортов котлована стеновым камнем.

Стена 4 (рис. 3, 14) длиной 5 м, при сохранившейся высоте до 1, 2 м, шириной от 40–65 см до 75–95 см, сложена, в отличие от стен помещения, двухрядной кладкой, также на глиняном растворе из крупных и средних тесаных блоков и плит подпрямоугольной формы (75×26×34 см; 77×25×35 см; 45×33×28 см; 76×33 см; 80×40 см; 70×26×31 см; 63×23 см) с использованием мелких рваных камней. В северо-восточной части стена 4 почти соединяется со стеной 3, создавая впечатление одной стены с двупанцирной кладкой. Пространство между ними заполнено серо-коричневым суглинком.

Как отмечалось, вскрытое помещение сооружено на относительно ровном, почти горизонтальном скальном выходе в вырытом в уплотненном песчаном грунте котловане, обложенном тесаными и подработанным камнем, с ровными внутренними гранями стен. Скальный выход выполнял, очевидно, функцию пола, т.к. каких-либо следов, остатков пола не зафиксировано; помещение было заполнено от скального выхода и до сохранившегося верха достаточно однородным рыхлым грунтом. Внутри помещения не зафиксированы какие-либо хозяйственно-бытовые строения, отсутствует очаг/печь. В комплексе эти данные позволяют считать вскрытое полуподземное помещение не жилым, а хозяйственным, использовавшимся для каких-либо нужд (полуподвал, кладовая).

Помимо керамического комплекса, происходящего из заполнения данного помещения, значительная серия показательных находок керамической посуды была сделана непосредственно над и на уровне пола (скального выхода), как в виде обломков различной керамической посуды, так и развалов нескольких чаш. Она представляет две те же группы керамики – привозную российскую фабричную и местную красноглиняную кустарного гончарного производства.

Российская продукция представлена белофаянсовыми поливными тарелками с широким наклонным бортиком и округлобкими чашами на кольцевых поддонах как без орнаментации (рис. 16, 2–4), так и с примитивной росписью кобальтом по белому фону (рис. 16, 5, 8, 9) и с декором деколью (рис. 16, 6, 7). Укажем также находку фрагмента неорнаментированной фарфоровой округлобкой чашечки (рис. 16, 1).

Местная посуда включает как неполивную красноглиняную керамику, представленную несколькими фрагментами широкогорлых кувшинов (рис. 17, 8–10, 19, 2), так и поливную. Последняя также включает широкогорлые двуручные кувшины, украшенные скупым подглазурным декором белым ангобом (рис. 17, 1–5, 19, 1), и глубокие округлобкие чаши-пиалы на кольцевом поддоне, также орнаментированные простой белоангобной росписью под прозрачной бесцветной поливой (рис. 17, 6, 7, 18). Отметим и крупную тарелку с бесцветной поливой по непокрытому черепку с темно-зеленым пятном на плоском вогнутом дне (рис. 17, 11).

Представленный керамический комплекс, включающий в себя показательные образцы местных глазурованных красноглиняных сосудов с белой ангобной росписью под прозрачной желтоватой поливой и российской фабричной фаянсовой посуды, в целом аналогичен комплексу керамики из заполнения помещения. Приведенные материалы позволяют датировать выявленное помещение, которое, очевидно, является частью более крупного домостроения, концом XIX – началом XX в.

К интерпретации кустарной керамики раскопа

Безусловно, особый интерес и важность исследований раскопа XLV представляет выявленный комплекс местной гончарной ремесленной продукции, которая, как и в целом гончарное ремесло Дагестана Нового времени, остается малоисследованной. Несмотря на ряд публикаций этнографов и искусство-

ведов, посвященных различным традиционным центрам гончарного производства, таким как Балхар, Сулевкент, Джули, Испик, Кахуль [13–19], гончарное ремесло Дагестана XVIII – начала XX в., несомненно, требует более детального и специализированного изучения. К сожалению, это затруднено тем, что в названных центрах в середине XX в. гончарный промысел, вытесненный фабричными изделиями, перестал существовать, за исключением селения Балхар, где еще теплится изготовление неполивной расписной художественной керамики, рассчитанной, главным образом, на туристов [19, с. 131].

Исследователи уже отмечали, что с начала XX в. фабричная фаянсовая и фарфоровая посуда из России постепенно вытесняла на дагестанских рынках керамические изделия местного производства, что вело к упадку этого вида народного ремесла [15, с. 32; 18, с. 23; 20, с. 81]. Между тем, как видно по материалам раскопок, местные гончарные изделия занимали в начале XX в. все еще существенное место в быте жителей Дербента. При этом нужно отметить, что нижняя, приморская часть города, где и был заложен раскоп XLV, была заселена в этот период почти исключительно русским населением, в отличие от численно доминирующего местного азербайджанского населения, занимавшего верхнюю часть Дербента – так называемые *магалы*, а также немалочисленного армянского и еврейского населения, обитавшего в средней части города. И керамический комплекс раскопа может указывать на то, что русское население города приобретало местную гончарную продукцию в немалом количестве и широко пользовалось ею в быту.

Весьма важен вопрос о месте производства найденной при раскопках кустарной гончарной посуды в связи с тем, что, по данным Дагестанского статистического комитета, в самом начале XX в. среди различных категорий ремесленников Дербента гончары не представлены. Вместе с тем согласно статистическим ведомостям по состоянию на 1901 г. в соседнем с Дербентом Кайтаго-Табасаранском округе было зарегистрировано 156 гончаров [21, Ведомость № 7], а в 1903 г. – 210 человек [22, Ведомость № 7]. Причем это количество приходится и на всю Дагестанскую область – кроме столицы Темир-Хан-Шуры, где зарегистрированы были еще два гончара в 1901 г., больше занимающихся гончарством в других округах Дагестана не отмечено. Хотя, несомненно, и в других селениях имелись мастера, профессионально занимавшиеся изготовлением керамической посуды, но следует отметить, что указание на гончаров Кайтага и Табасарана в статистических материалах, очевидно, свидетельствует об их специализированном, хотя и сезонном, занятии этим ремеслом. Вместе с тем указанный прирост количества занимающихся гончарным промыслом более чем на треть за два года (с 1901 по 1903 г.) может означать определенный возросший спрос на кустарную гончарную продукцию, если только мы не имеем дело с ошибками в статистических материалах.

При этом необходимо отметить, что центрами мелкотоварного гончарного производства в Кайтаго-Табасаранском округе являлись селения Сулевкент и Джули, которые поставляли свою продукцию по всему Южному Дагестану, включая Дербент. Е.М. Шиллинг, побывавший в Сулевкенте в 1936 г. и оставивший очерк о гончарстве в этом селе, отмечал, что местные мастера в 1930-х гг. сбывали свою продукцию помимо Кайтага также в Дербенте, Табасаране, Южном Дагестане [14, с. 205]. По данным Е.И. Козубского, «в Сулевкенте из жженой глины приготавливают кувшины, горшки, детские игрушки, чирахи и пр. до 6000 предметов на сумму до 500 руб.; стоимость их от 3 коп. до 1 руб. 50 коп., изделия удовлетворительной выделки; имеют сбыт и за пределами округа. Изготовление гончарных изделий в Сулевкенте производится на обыкновенных деревянных станках, а выжигание в особо устраиваемых печах. По окончании полевых работ гончары-кустари отправляются на заработки в соседние округа и даже в Терскую область» [21, с. 93].

Оба селения – Сулевкент и Джули – специализировались на изготовлении как неполивной, так и поливной керамики различного назначения, производство которых получило отражение в добротных публикациях соответственно Е.М. Шиллинга [14] и А.Г. Булатовой [16]. Следует заметить, что в отличие от Балхара в обоих этих селениях гончарство являлось сугубо мужским ремеслом.

Представленная в раскопе поливная керамика имеет определенное сходство с керамической продукцией Сулевкента и Джули в технологии производства, формах, характере и технике орнаментации. В особенности это сходство наблюдается на примере популярных, распространенных широкогорлых, в т.ч. двуручных сосудов типа азербайджанских медных *сэрнидж* для молока, имевших и керамические реплики – *хелим габы* (подробнее см.: [23]), которые в Сулевкенте именовали *азар*, *киква* [14, с. 206], а в Джули – *бети* [16, с. 86].

Керамика Сулевкента и Джули покрывалась росписью, но если сулевкентские мастера использовали для подглазурной росписи белый ангоб, глину для которого они приобретали на стороне [14, с. 202], то джулинские гончары использовали для орнаментации сосудов исключительно красный краситель, изготовливавшийся из растертого в порошок речного темно-красного камня *при кеклер* [16, с. 88].

Сказанное выше позволяет считать, что сосуды с подглазурной белой ангобной росписью XIX–XX вв., найденные при раскопках в Дербенте (и не только), имеют сулевкентское происхождение. Реализовывались они в городе гончарами-кустарями, очевидно, в первые месяцы года, т.к. по данным Е.М. Шиллинга, трехмесячный период обжига керамики приходился на октябрь – начало января, т.е. на время после завершения сельскохозяйственных работ, после чего мастера группами выезжали на реализацию своей продукции и возвращались вместе в село до начала посевных работ [14, с. 205]. Указанные же выше глубокая миска и кувшин с красной ангобной росписью (рис. 4, 2, 6, 1), найденные в раскопе, могут иметь джулинское происхождение.

Заключение

В завершение отметим, что, судя по материалам многолетних раскопок, в культурных напластованиях Дербента XIX в. почти не представлена иранская фаянсовая и керамическая посуда, ей на смену приходит привозной российский фаянс, что было обусловлено изменением направления политического вектора, включением Дербента в состав Российской империи, переориентации торгово-экономических связей и, как следствие, значительного роста численности русского населения в городе [24, с. 67–69]. Полученные материалы дополняют данные по исторической топографии Дербента Нового времени, дают представления о быте горожан и, что ценно, о кустарном гончарном производстве конца XIX – начала XX в., которое в условиях распространения фабричной фаянсовой посуды, постепенного вытеснения ею ремесленной продукции все еще сохраняла свое значение, занимая существенное место в повседневной жизни дербентцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиев М.С. Работы Дербентской археологической экспедиции // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2005. № 1. С. 159–161.
2. Гаджиев М.С., Бакушев М.А., Будайчиев А.Л. Археологические раскопки в цитадели Дербента в 2006 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2006. № 3. С. 155–156.
3. Гаджиев М.С., Гамидов А.К. Археологические исследования в Дербенте в 2007 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2007. № 4. С. 114–127.
4. Гаджиев М.С., Гамидов А.К., Будайчиев А.Л., Абиев А.К. Раскопки в Дербенте в 2008 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2009. № 2. С. 124–134.
5. Гаджиев М.С., Бакушев М.А. Захоронения солдат российского гарнизона 1831 г. в цитадели Дербента // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2006. № 4. С. 71–78.
6. Гаджиев М.С. Христианский некрополь в Дербенте // Христианские памятники в Дагестане. Махачкала, 2001. С. 4–22.
7. Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будайчиев А.Л., Абдулаев А.М. Исследования выявленного объекта культурного наследия «Домик Петра I» в Дербенте // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 3. С. 165–182.
8. Гаджиев М.С. Петр Великий и Дербент // Петровские памятники России и Европы: изучение, сохранение, культурный туризм: материалы VII Международного петровского конгресса. СПб.: Европейский дом, 2016. С. 232–244.
9. Будайчиев А.Л., Абиев А.К., Гаджиев М.С., Абдулаев А.М. Охранно-спасательные раскопки в Дербенте // Археологические открытия 2014 года. М., 2016. С. 218–220.
10. Малашев В.Ю., Селезнев А.Б., Таймазов А.И., Фризен С.Ю. Кладбище Дербентского гарнизона Низового корпуса (1722–1735 гг.) // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: материалы Международной научной конференции. Грозный, 2016. С. 287–288.
11. Фризен С.Ю., Пестряков А.П., Таймазов А.И., Григорьева О.М. Краниологические материалы некрополя Дербентского гарнизона Низового корпуса (1722–1735) // Российский журнал физической антропологии. 2022. № 2. С. 65–78.
12. Гаджиев М.С., Будайчиев А.Л., Абдулаев А.М., Шаушев К.Б. Исследования сасанидской фортификации в приморской части Дербента и некоторые вопросы исторической топографии и обороны города в поздесасанидский период // От Нила до Инда: сборник статей к 60-летию А.С. Балахванцева. М.: ИВ РАН, 2025. (В печати.)

13. Шиллинг Е. Балхар: Женские художественные промыслы дагестанского аула Балхар. Пятигорск: Сев.-Кавказ. краев. гос. изд-во, 1936. 23 с.
14. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура: историко-этнографические этюды. М.; Л.: Наука, 1949. 224 с. (Прилож. 2. Гончары Сулевкента. С. 201–206).
15. Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Художественные промыслы Дагестана. М.: Всесоюзное кооперативное изд-во, 1959. 176 с.
16. Булатова А.Г. Гончарное производство табасаранцев во второй половине XIX – нач. XX в. (по материалам с. Джули) // Хозяйство народов Дагестана в XIX–XX вв. Этнографические исследования. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1979. С. 82–98.
17. Агаширинова С.С. Традиция керамического производства у лезгин Дагестана (по материалам с. Кахуль) // Советская этнография. 1984. № 1. С. 110–116.
18. Магомедова С.Г. Бытовая керамика Дагестана: К вопросу о сложении регионально-художественных традиций в народном искусстве: автореф. дис. ... канд. иск. М., 1986. 25 с.
19. Петрова Н.Ю. Гончарное производство жителей села Балхар в Дагестане // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (48). 2011. С. 130–135.
20. Магомедов А.Дж. Традиционное художественное ремесло Дагестана (XIX начало XX в.). Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1999. 205 с.
21. Дагестанский сборник. Вып. 1 / сост. Е.И. Козубский. Темир-Хан-Шура: «Русская типография» В.М. Сорокина, 1902. 390 с.
22. Дагестанский сборник. Вып. 2. / сост. Е.И. Козубский. Темир-Хан-Шура: «Русская типография» В.М. Сорокина, 1904. 521 с.
23. Агамалиева С.М. Гончарство Азербайджана (историко-этнографическое исследование). Баку: Элм, 1987. 132 с.
24. Магарамов Ш.А. Этно-конфессиональная картина города Дербента в VI–XIX вв. // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16, № 1. С. 50–75.

Поступила в редакцию 03.06.2025 г.

Принята к печати 28.06.2025 г.

Гаджиев Муртазали Серажутдинович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: murgadj@rambler.ru

Murtazali S. Gadjiev, Doctor of History, professor, main researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography, Daghestan Federal Research Centre of RAS; e-mail: murgadj@rambler.ru

Будайчиев Арсен Лахманович, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: arseneihae@yandex.ru

Arsen L. Budaychiev, researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography, Daghestan Federal Research Centre of RAS e-mail: arseneihae@yandex.ru

Абдулаев Абдула Магомедович, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: realhigh87@mail.ru

Abdula M. Abdulaev, researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography, Daghestan Federal Research Centre of RAS; e-mail: realhigh87@mail.ru

Шаушев Кадырали Байрамгазиевич, научный сотрудник, ООО «НПЦ “Туризм и краеведение”»; e-mail: kadyralishaushev@yandex.ru

Kadyrali B. Shaushev, Reseacher, Research and Practice Center “Tourism and Local History” LLC; e-mail: kadyralishaushev@yandex.ru